На следующее утро Лелуш первым делом нанес визит своим сотрудникам службы безопасности у ворот. На самом деле, он поступил лучше и ворвался прямо в казармы, используемые не дежурными сотрудниками службы безопасности, где они были заняты приготовлением завтрака и кофе.

«Принц Лелуш!» Один из офицеров воскликнул, когда он вошел в дверь, заставив всю казарму вскочить и отдать честь.

«Доброе утро». - вежливо сказал Лелуш. «Я так понимаю, команда, которая дежурила вчера вечером, сейчас здесь?»

Было несколько кивков и одобрительного бормотания. Для него этого было достаточно. Он полез за задний пояс своих брюк и вытащил пистолет Готвальда, сделанный накануне вечером. Маркграф любезно оставил его в его владении.

«Не хотел бы кто-нибудь из вас объяснить мне, как лорд Готвальд сумел пронести этот пистолет в поместье? Он член фракции Пуристов, и я остался с ним наедине! Вы понимаете последствия этого? Если бы этот человек был намереваясь убить меня, вы все будете охранять мои похороны!» Он зарычал.

Каждый из солдат побледнел и выглядел явно неуютно.

«Но он ... он был ровесником». Один из солдат смущенно пробормотал.

«Меня не волнует, что у дверей стоит Чарльз из Британии! Вы проверяете у моих гостей оружие!» Лелуш зарычал, прежде чем сделать глубокий вдох и обуздать себя. «Кто был главным вчера вечером?» - спокойно спросил он.

На мгновение было много неловкого шарканья ногами и пристыженных лиц, прежде чем один мужчина выступил вперед. «Я был, ваше высочество. И я прошу прощения. Я служил с лордом Иеремией много лет назад. Я никогда не думал, что он осмелится угрожать вам. Я полностью принимаю свое наказание».

Этому мужчине было за тридцать, с серьезным выражением лица и стрижкой. Кроме того, он был готов взять на себя ответственность за свои ошибки. Это единственное, что его спасло.

Лелуш драматично поднял пистолет и направил его на мужчину. «Как тебя зовут?»

«Сержант Райан Амброуз, ваше высочество». - сказал мужчина, не дрогнув.

«Ты поставил под угрозу мою жизнь, Амвросий». Лелуш объяснил. «Я думаю, это будет справедливо, если я верну тебе услугу».

Эмброуз нервно сглотнул, но кивнул. «Я понимаю, сэр».

Лелуш склонил голову к мужчине и мучительно медленно начал нажимать на спусковой крючок. Он наблюдал, как на лицах людей вокруг него сменилось выражение стыда на удивление. Как принц королевской семьи, он был законом до тех пор, пока это не противоречило распоряжениям, отданным Императором. Он имел полное право совершить казнь, и мужчины это знали. К его безграничной чести, Амвросий не просил сохранить ему жизнь и даже не дрогнул.

Громкий щелчок пустого пистолета казался неприятно громким в гробовой тишине, воцарившейся в комнате.

«Не позволяйте этому повториться. Или в следующий раз пистолет не будет пустым. Вы все понимаете?» Он потребовал. «Безопасность не только меня, но и всех, кто живет в этом поместье, имеет первостепенное значение. Пожалуйста, относитесь к своей работе серьезно. Остальная часть поместья не может функционировать, если их безопасность находится под угрозой».

«Понятно, сэр!» Раздался громкий хор, и плечи Эмброуза облегченно опустились.

Вместо того, чтобы оставаться рядом, чтобы выслушать их мысли по этому поводу, Лелуш развернулся и покинул казарму. Однако, проходя мимо ворот на обратном пути к дому, он заметил большую толпу репортеров, разбившуюся лагерем на другой стороне.

Нахмурившись, он подошел к сторожке, где команда из шести человек охраняла ворота. «Кто они?» - спросил он, входя в комнату, указывая на толпу снаружи.

«Ваше высочество!» - внезапно сказали мужчины, прежде чем встать по стойке смирно и отдать честь.

«Довольно формальности. Что все эти люди здесь делают?» - сказал Лелуш.

«Хех». Один из мужчин усмехнулся, неловко потирая шею. Дополнительный шеврон на его форме указывал, что он возглавлял эту команду. «Ну, босс, похоже, ты довольно популярен». - сказал мужчина, указывая на телевизор в углу, где репортер тщательно изучал его национальный адрес в Площадь одиннадцать. Рядом с телевизором лежала стопка газет и журналов, а на лицевой стороне красовалось его лицо. Одно особенно привлекло его внимание, так как в нем также была Милли, и он был с мероприятия Академии Эшфорда. Там же был скандальный заголовок.

«Это нелепо». Лелуш вздохнул, исследуя весь хаос, вызванный его появлением. "Как тебя зовут?"

«Капрал Аллан Секель, сэр. Для меня большая честь видеть вас здесь в нашем маленьком форте». Мужчина ответил небрежно, и он сразу понравился Лелушу. В том, как мужчина разговаривал с ним, не было ничего принудительного или формального. Это было настоящее взаимодействие. Другими словами, этот человек не был хлюпающим болваном.

«Хорошо, Секель, есть особая причина, по которой ты и твои мальчики начали строить здесь святыню для меня?» - спросил он с кривой усмешкой, указывая на стопку журналов.

Капрал ухмыльнулся. «Что ж, сэр, похоже, что за ночь вы стали настоящим сердцеедом-подростком. Мы конфисковали эти журналы у группы сумасшедших девочек-подростков, которые сегодня рано утром пытались перебраться через ворота».

«Ты шутишь». Лелуш невозмутимо ухмыльнулся, когда с его лица сошла ухмылка. У него теперь были фанатки ? Насколько более причудливым может стать мир? Просто потому, что он был сыном Императора. На самом деле он не сделал ничего, чтобы заслужить их признательность. Это просто доказало, насколько безмозглыми и непостоянными были большинство девушек. Он надеялся, что безумие быстро пройдет.

«Машина пробивается сквозь толпу». Сказал один из других офицеров, проверяя один из каналов безопасности.

«Вероятно, это портной Эдит, назначенный для меня». Лелуш вздохнул, взглянув на часы. Было все еще без четверти девять, но чем раньше он покончит с этим, тем лучше. Он понял, что все еще носит пистолет Готвальда, и лениво бросил его на стол.

«Эээ. Вы носите с собой пистолет, ваше высочество?» - в замешательстве спросил Секель.

«Я уверен, что вы все услышите об этом от других». Лелуш двусмысленно объяснил, прежде чем покинуть сторожку, как только машина была впущена.

Репортеры, разбившие лагерь снаружи, раздался рев узнавания, а также быстро захлопывались линзы фотоаппаратов. Лелуш впился взглядом в репортеров, затем повернулся к ним спиной и пошел обратно к дому.

«Ваше высочество, пожалуйста, войдите. Мы отвезем вас обратно к дому». - сказал мужчина со странно острой козлиной бородкой из опущенного окна машины, подъехавшей к ней.

«Ты портной?» - спросил Лелуш, глядя на дорогой на вид шелковый костюм, в котором был одет мужчина.

«Да, ваше высочество. Анджело Дебар к вашим услугам. Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне». Мужчина настаивал, толкнув дверь и переместившись на заднее сиденье.

«Конечно». Лелуш вздохнул, садясь в машину. Это показалось немного лишним, учитывая, что он находился всего в двухстах метрах от поместья. Но отказать было бы грубо, и не было никакого смысла обижать человека, который будет парить вокруг него с пригоршней булавок в течение следующих нескольких часов.

«Вы знаете, ваше высочество, для принца необычно встречать своих гостей у ворот». - лукаво сказал Дебар.

«Я уже был у сторожки до вашего приезда. Проверял мою команду безопасности». Лелуш ответил.

«Надеюсь, проблем нет?»

Лелуш нахмурился, опасливо глядя на мужчину. Это могло быть просто невинное расследование. Но опять же, он мог выудить информацию для одного из репортеров снаружи. Это будет не первый случай, когда репортер получит хорошую историю, купив ее у сотрудника. Тем не менее, это не имело большого значения, потому что он никогда не стал обсуждать домашние проблемы с незнакомцем. Особенно проблемы с безопасностью.

«Вовсе нет. Я просто знакомился со всеми». Лелуш ответил спокойно. «Я прибыл только вчера утром».

«Да, я слышал об этом. Ваш секретарь также сообщил мне, что вы прибыли без багажа. Полагаю, поэтому я здесь. Должен сказать, что не часто мне удается сделать полный гардероб». Мужчина объяснил. «Я очень рад».

Лелуш только вздохнул. День обещал быть очень долгим.

«Сайоко?»

В этом месте тишина сводила с ума. Летний дом семьи Эшфордов находился в дикой местности рядом с озером. Предполагалось, что это будет красивое место для уединения на природе. Но красота окружающей среды была растрачена на Наннелли.

Здесь было тихо. Вот в чем проблема.

Не было ни тихого фонового грохота проезжающих машин, ни мягкого шума приглушенных голосов со всего кампуса. Вместо этого был ветер, который время от времени звенел в мягком, свежем пахнущем бризе и при полном отсутствии всего остального шума.

Даже Сайоко, чьи шаги всегда с успокаивающим щелчком звучали по деревянным полам их дома в клубе, приглушались толстыми, плюшевыми коврами этого места.

«Да, госпожа Наннелли? Я была вам нужна?» - тихо спросила Сайоко - здесь даже ее голос звучал приглушенно.

Она ненавидела это здесь.

«Я... мне было интересно, были ли новости о Лелуше? Я хочу знать, что происходит».

Когда она ответила, она услышала сочувственную улыбку в голосе смотрителя. «С тех пор, как он сделал общенациональное обращение к принцу Кловису, которое мы услышали по радио, новостей не было».

Наннелли нахмурился. «Ой».

«Не волнуйся. Я уверена, что мастер Лелуш просто занят созданием своей истории». - успокаивающе сказала Сайоко. «С ним все будет в порядке. Мастер Лелуш знает, что делает».

«Да, я знаю». Наннэлли вздохнула.

Она же знает. Лелуш точно знал, что он выбрал, когда решил отослать ее. Вероятно, вероятность его выживания была рассчитана с точностью до трех десятичных знаков. Наряду с тщательно продуманными оценками того, как долго ее выживание сможет оставаться скрытым от их семьи.

И все же он все равно это сделал. Он по-прежнему жертвовал собой, чтобы выиграть у нее немного больше времени, прекрасно зная, что прием, который он, вероятно, получит, не будет приятным. Лелуш понимал эту часть лучше, чем кто-либо, поскольку именно он противостоял Императору после того, как их мать была убита, а она искалечена. Это был Лелуш, который предстал перед всем презрительным императорским двором и требовал ответов.

Да, Лелуш прекрасно знал, что он, вероятно, был наименее популярным членом королевской семьи за последние несколько десятилетий. Он всегда ненавидел Королевскую семью. Иногда он называл их ямой змей или логовом гиен. И он презирал их всех за то, что они следовали идеологии социал-дарвинизма своего отца.

И причина того, что он ненавидел эту идеологию, была из-за нее. На самом деле, как бы она ни смотрела на это, нынешнее затруднительное положение Лелуша было ее ошибкой. Если бы она не была искалечена, их бы вообще не изгнали. Если бы она все еще могла быть полезной... Если бы она не была такой слабой...

Все потому, что Лелуш пытался ее защитить. Лелуш не верил в отцовские идеалы «сильные-

есть-слабые». Напротив, ее брат всем сердцем верил, что обязанность сильных - защищать слабых. Он защищал ее. Он всегда был таким сильным и всегда делал все возможное, чтобы защитить ее.

«Я буду защищать тебя, Наннэлли».

Залог, когда они сидели вместе на похоронах своей матери.

«Позволь мне позаботиться о тебе, сестра».

Просьба, когда они впервые прибыли к святилищу Куруруги, и он видел все лестницы.

«Я не позволю никому обидеть тебя».

Обещание, когда они пересекли раздираемую войной Японию под градом выстрелов и дыма.

«Я могу лучше защитить тебя издалека прямо сейчас».

Душераздирающее признание, когда он прогнал ее и приготовился пожертвовать собой ради нее.

Он всегда был таким. Он сделает все возможное, чтобы убедиться, что она в безопасности. Вот почему, как бы она ни ненавидела это место с его жуткой тишиной и странными запахами, она не жаловалась. Потому что Лелуш был сильным для нее, и самое меньшее, что она могла сделать, - это быть сильной для него.

Именно поэтому она сделала то, о чем он просил ее, и продолжала скрываться - несмотря на то, что часть ее отчаянно хотела объявить о своем выживании, чтобы она снова могла быть с ним.

Лелуш нахмурился, рассматривая доску перед собой, положив палец на голову своей ладьи. Он надеялся, что с годами поправился; надеялся, что наконец-то сможет превзойти своего наставника. Но Шнайцель все еще крепко его бил. Гримасничая, он использовал Ладью, чтобы вытащить свободную пешку. Это был слабый ход.

«Итак, что ты собираешься делать?» - спросил Шнайзель, заставив Лелуша удивленно взглянуть на него. У них никогда не было случайных разговоров во время матчей. Вместо этого они сохранили его до тех пор, пока не был определен победитель, решив сосредоточить все свое внимание на игре. Это было предпочтением Шнайцеля и тому, как его учили.

«Я не понимаю, что вы имеете в виду. Я только что закончил свою очередь…» - сказал Лелуш.

«Я не говорил об игре, - ответил Шнайцель, - но если вы предпочитаете придерживаться традиции и подождать, пока игра не закончится ...» Он перепрыгнул своим конем через защищающегося слона Лелуша, чтобы заманить в ловушку своего короля, который был загнан в угол доски. «Шах и мат».

Лелуш на мгновение сердито посмотрел на доску, затем вздохнул и откинулся на спинку стула. Казалось, Шнайцель непобедим.

«Чем ты планируешь заняться?» - повторил Шнайцель, снова возвращая доску в первозданное состояние.

«Ну, что я могу сделать? Мне просто нужно подождать и посмотреть, что он для меня запланировал». Лелуш ответил, когда он тоже начал восстанавливать свои фигуры.

«Значит, ты смирился с той судьбой, которую он приготовил для тебя? Это не похоже на тебя, Лелуш».

Лелуш фыркнул. «Я бы не сказал, что смирился с этим, но я не настолько глуп, чтобы знать, что хожу здесь по тонкому льду. Одна ошибка, и все может быть для меня кончено. Я уже сошел с рук гораздо больше, чем большинство людей когда-либо могло бы».

«Да… Интересно, почему это так. Я волновался, что тебя собираются казнить. Я думал, что он расценит твой отказ вернуться в семью после вторжения в Зону Одиннадцать как предательство». - задумался Шнайцель.

«Очевидно, он мне пригодится». - горько пробормотал Лелуш. «Могу вас уверить, что это не из-за отцовской привязанности».

Шнайцель мягко усмехнулся, прежде чем сделать глоток виски. «Хотите сыграть снова?»

«Ты так жаждешь еще одной победы, Шнайцель?» - спросил Лелуш с кривой усмешкой.

«Я всегда жажду победы, брат». Шнайцель ответил, продвигая вперед свою первую фигуру.

Лелуш фыркнул, но согласился, передвинув свою фигуру. Шнайцелю потребовалось меньше десяти минут, чтобы взять верх. Очередной раз. Он просто не мог понять, как думал Шнайцель. Он понимал некоторые шаги своего брата, но другие казались бессмысленными. Как будто он играл в две разные игры одними и теми же фигурами. Всегда происходило нечто большее, чем было очевидно. Шнайцель был мастером в перемещении фишки в определенную часть доски и, очевидно, забывал об этом до тех пор, пока несколько ходов спустя он не поставил сложную ловушку.

Шнайцель улыбнулся, когда он взял ферзя Лелуша со своим епископом, поставив своего короля под шах. Так было со Шнайцелем всегда. Ему оставалось просто реагировать на действия Шнайцеля. Все его планы и уловки были предвидены.

«Знаешь, - медленно произнес Шнайзель, пока Лелуш готовился принести в жертву рыцаря, чтобы защитить своего короля, - ходят слухи, что Наннелли жив в Зоне Одиннадцать».

Сердце Лелуша подпрыгнуло к горлу, когда его пальцы сжимали мраморную игрушку. «Это так?» - спросил он с вынужденной беспечностью, закончив свой ход.

«Мм, очевидно, люди говорят, что она училась в Эшфордской академии. Разве это не та же школа, что и вы?» Шнайцель продолжил.

«Как случайно». Лелуш ответил сухо. «Можно было подумать, что я узнал бы ее».

«Это ведь не правда, не так ли?»

Лелуш помолчал.

«Я бы помог тебе, если бы ты пришел ко мне».

Шнайцель должен был быть его союзником. Но он все еще был принцем Британской империи. И что еще хуже, он был умен. Лелуш не мог не думать о нем, и это делало его очень опасным. Он просто не мог рисковать, доверяя Шнайцелю. По крайней мере, пока, пока он не узнает, что задумал его брат.

«Наннэлли мертва». - твердо сказал он. «Эти слухи, скорее всего, беспредметные сплетни, основанные на том факте, что я учился в той школе».

«Понятно. Ну, я все равно подавил их». Сказал Шнайзель, удивив Лелуша, проявив милосердие и не убив своего Рыцаря. Вместо этого он сделал несущественный ход пешкой.

Шнайзель ви Британия

http://tl.rulate.ru/book/55554/1423661